

Сергей БЫЧКОВ

ОКНО В РОССИЮ

Судьба русской эмиграции всегда привлекала внимание исследователей. И не только отечественных, но и зарубежных. Мало кто обращает внимание, что наиболее трагично складываются в эмиграции судьбы творческих людей. Исключение составляют музыканты и композиторы — язык музыки интернациональный и не требует перевода. Пожалуй, к ним можно причислить и художников. Хотя язык живописи не столь универсален.

Те русские художники, которые завоевали себе имя еще на родине, были признаны и за рубежом. Имена Серебряковой, Ларионова и Гончаровой всегда были на слуху у аукционистов, меценатов и коллекционеров. Константин Коровин, признанный мастер, в эмиграции бедствовал. Но его положение подтолкнуло его к писанию воспоминаний, которые ничуть не уступают его гениальным полотнам.

Сложнее всего приходилось писателям и поэтам. Особенно если они стремились сохранить русский язык. Владимир Набоков — редкое исключение. Но кто знает — сколько неимоверных усилий потребовалось ему, чтобы перейти в прозе на английский язык.

Трагично и бытование русской культуры в эмиграции. Первая волна достаточно хорошо изучена и, насколько это возможно, издана в новой России. Судьба второй волны менее благополучна. Она была не столь богата блистательными талантами. Но и ее наиболее яркие представители удостоились быть изданными в новой России. Гораздо сложнее обстоит дело с творчеством третьей волны. В начале XXI столетия, после крушения коммунистической империи, на Западе резко упал интерес и к России, и к ее культуре. Прекратилось финансирование «толстого» журнала «Континент», один за другим уходили в небытие другие литературные периодические издания.

Реальность требовала консолидации среди русских эмигрантов. Так появился литературно-художественный журнал «Чайка», издаваемый в Вашингтоне. И вот наконец в России вышла книга главного редактора «Чайки» Ирины Чайковской «Окно в Америку».

На самом деле это «Окно в Россию». Автор собрала наиболее яркие свои статьи, которые выходили в «Чайке». Здесь любитель и знаток культуры найдет статьи, интервью, исследования на любой вкус. Единственное, что исключено — в книге нет скучных статей.

Сергей Сергеевич Бычков — историк Русской церкви и агиограф, доктор исторических наук, родился в 1946 году. В 1975 году окончил филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Занимался преподавательской деятельностью. Дебютировал как поэт-переводчик, участвуя в издании Библиотеки всемирной литературы. Занимался книгоиздательской деятельностью, публицистической работой в периодической печати. В 2005 году по его сценариям были поставлены два телефильма: «ВЧК против патриарха Тихона» и «Живое слово отца Александра Меня». 26 июня 2007 года по Первому каналу ТВ был показан фильм «Завтра меня убьют», снятый по его сценарию.

Историк литературы Иван Толстой в предисловии к книге отмечает: «Русская эмиграция, как всё в Америке, большая. Больше чеховского моря. Бездонная, малоизученная. И оттого особо привлекательная, потому что нигде нас не ждет столько культурных открытий, как в Америке XX века. Кто задумывается о том, что знаменитый нью-йоркский Карнеги-Холл открывался в 1891 году концертом Чайковского, и что сам Петр Ильич стоял за дирижерским пультом? Кому, кроме коллекционеров-бонистов, известно, что дизайнер долларовой купюры 1929 года — русский эмигрант Сергей Макроновский? А по некоторым сведениям, за этим псевдонимом скрывался знаменитый художник-мистик Николай Рерих. Какой русский поверит, что в основе игры американских актеров — система Станиславского?»

В глубины этого бездонного моря увлекает нас за собой Ирина Чайковская. Есть у нее свои любимчики — поэты, писатели, режиссеры, сценаристы и художники. И не только среди представителей третьей волны. Ей близки и долгожители — творцы второй волны эмиграции.

Это подмечено Иваном Толстым: «Вот в эту эпоху и уходят корни старших героев книги Ирины Чайковской. И совершенно справедливо, что эта разнородная и разножанровая книга открывается целым блоком о Валентине Синкевич — поэте, издательнице и мемуаристке. Мало кто сделал столько для осмысления Русской Америки, объединения ее сил и увековечения ее памяти, как Валентина Алексеевна. В том же ряду — художник и эссеист Сергей Львович Голлербах, которого мы в Советском Союзе узнавали еще в 1960-е по обложкам русской запрещенной классики — трехтомнику Мандельштама, двухтомнику Ахматовой, „Дневнику моих встреч“ Юрия Анненкова. И третья фигура, включенная Ириной Чайковской в главу „Стражи русской культуры“, — журналистка и общественная деятельница Людмила Оболенская-Флам, автор известной биографической книжки о героине Сопrotивления Вики Оболенской. Сегодня Людмила Сергеевна возглавляет благотворительную организацию „Книги для России“, собирающую по всей Америке и отправляющую в Москву большие контейнеры с эмигрантскими изданиями».

Думаю, что не случайно Чайковская начала эту книгу с публикаций своих бесед в Валентиной Синкевич. Родство душ ощущается в этих задушевных беседах. Автору удается сохранить интимный настрой общения с поэтессой. Удачен подбор стихов Синкевич.

Впервые мне удалось опубликовать ее стихи в газете «Московский комсомолец» еще в 1989 году. Я поразился глубинным переключкам ее поэзии с мировой культурой. И, как ни странно, даже с Вольтером:

В тот первый ряд — нет, не иду,
 другие за меня прильнут к светилам.
 Тружусь я в одиноком, но в своем саду —
 все остальное — не по силам.
 Да этот первый ряд — каприз и спесь
 в стихе развязном и убогом.
 А я ведь яблоневый цвет и песнь
 прошу у сада и у Бога.

Давно забытый нашими современниками завет Вольтера: «Надо возделывать свой сад!» Валентина Синкевич ушла в 2018 году, но продолжает жить в своих стихах и беседах с собирательницей русской культуры Ириной Чайковской.

Легендарный Сергей Голлербах — вторая любовь Ирины. Художник, критик, мемуарист, яркий представитель русской культуры на Западе. Он прожил долгую и насыщенную жизнь. Родился в СССР, во время Отечественной войны был депортирован

в Германию, учился в Мюнхенской академии художеств. В 1949 году переехал в США и до сих пор живет в Нью-Йорке.

Характеризуя его манеру письма, Чайковская метко отмечает: «Думаю, что в немецкой Академии художеств получил он прививку против „красивости“, она же внушила ему интерес к жанру, городской бытовой сценке. Объектом он выбирает не красоту, а обыденность, причем обыденность убогую, нищую, часто безобразную или смешную.

В живописи так работал Тулуз-Лотрек, так работал Ван Гог. Используя гротеск, шарж, утрировку, Сергей Голлербах возводит своих незамысловатых персонажей в перл создания. И красота возникает. Только возникает она из ничего, из сора. Нечто подобное можно сказать и о героях его очерков — маленьких тружениках большого города». Точно определена и его писательская манера — во многом схожая с художнической. Легкий абрис, важная деталь — портрет готов.

Людмила Оболенская-Флам — еще одна любовь Ирины. Столь же сложная судьба, как и у Голлербаха. Родилась в Латвии, во время войны попала в Германию, мечтала о борьбе с советской властью, рано стала членом Народно-трудового союза. Но повзрослев, прозрела: «Но если в 17 лет я мечтала о том, чтобы принять участие в революционной деятельности „спасения России“, как тогда говорили, то в 21 год мне это стало казаться наивным. К тому времени я начала работать на радио, поступив диктором в европейское отделение „Голоса Америки“, где я вскоре стала работать и как журналист.

Тут у меня сложилось твердое убеждение, что какие-либо изменения в советском обществе могут произойти только изнутри, и только в том случае, если люди будут получать объективную информацию о происходящем в остальном мире и внутри страны — то, что правительство утаивает от народа. В силу информации я верю по сей день. Я не считаю, что людей нужно „пропагандировать“ или воспитывать. По-моему, даже самый глупый человек имеет право на собственное суждение. Но люди должны иметь доступ к объективным фактам и к разносторонним их оценкам».

В течение сорока лет она трудилась на радиостанции «Голос Америки». Как Ирина, Людмила принадлежит к породе «собирателей». Она создала уникальный том — «Судьбы поколения 1920—1930-х годов в эмиграции».

Ее перу принадлежит исследование о судьбе Вики Оболенской, героини французского Сопротивления: «...выйдя на пенсию, я сперва написала небольшую книгу, посвященную родственнице моего первого мужа Вере Аполлоновне Оболенской, казненной в немецкой тюрьме за участие во французском Сопротивлении.

Ее имя в России было известно и раньше, но там из нее делали чуть ли ни коммунистку. На самом деле, она принадлежала к правому крылу Сопротивления, начавшему борьбу с германской оккупацией еще в то время, когда руки французской компартии были связаны пактом Гитлера—Сталина.

Книжка эта — „Вики, княгиня Вера Оболенская“ — вышла в издательстве „Русский путь“ и была им же переиздана в 2005 г. Книга „Судьбы поколения...“ вышла в том же издательстве в 2006 г. „Русский путь“ выпускает очень много интересных исторических книг, мемуаров, литературных исследований...»

Недаром в Париже есть улица, названная в честь Вики Оболенской. Ей посвящен очерк в книге Чайковской. Рассказано и о ее предках, и о предках самого автора, Людмилы Оболенской-Флам, поскольку они — часть российской истории. Якоби, Лихачевы, Дадиани — все они заслуживают благодарной памяти потомков.

Чайковская неоднократно встречалась с поэтом Наумом Коржавиным.

Она вспоминает их первую встречу: «В первый раз я видела и слышала Коржавина в небольшом помещении ньютоновской русской школы. Народу собралось — горстка, так как вечер выдался вьюжный, шел густой снег — не всякий в снегопад отважится

на автомобильную вылазку. Наум Моисеевич был привезен организаторами вечера, беспомощный, без заболевшей и оставшейся дома жены, плохо видящий... Но голос его оказался неожиданно юным. В тот вечер он, как кажется, говорил какие-то „последние“ вещи, то, что осталось в осадке за годы жизни.

Сохранилось в памяти: если хоть одна строчка поэта будет кому-то нужна в будущих поколениях, значит — он свое дело сделал».

Я солидарен с автором — Коржавин оставил несколько стихотворений, которые несомненно войдут в анналы русской поэзии.

Центральной фигурой книги Чайковской, как мне кажется, остается все же поэт Иосиф Бродский. Личных встреч с ним не было, зато она сумела проинтервьюировать его близких друзей — Соломона Волкова и Льва Лосева. Личность и поэзия Бродского до сих пор привлекают внимание множества людей, которые не причисляют себя к его поклонникам.

Оттого-то так интересно узнать, каким же он был человеком. Чайковская напоминает о суде над Бродским: «Ведь суд этот был болезнен для его психики разными своими сторонами. Во-первых, через какие ужасы Бродскому пришлось пройти *до* суда, в Ваших же „Диалогах“ (речь идет о „Диалогах с Бродским“ Соломона Волкова) можно прочитать, что с ним проделывали — держали в одиночке, где с ним случился первый сердечный приступ, били во время следствия, на три недели засунули в буйное отделение психушки, где принудительно „лечили“.

Как там было не свихнуться, сохранить чувство человеческого достоинства? Да на это еще наложились муки любви и ревности, как раз в дни процесса любимая была с другим, и он об этом знал. Период суда, по-видимому, был для него чрезвычайно мучителен, ему хотелось поскорее его забыть».

Интервью с Соломоном Волковым раскрывает многие тайные стороны жизни поэта — его взаимоотношения с друзьями, с русскими поэтами, с женщинами. Чайковская безбоязненно касается, казалось бы, запретных тем: «Некоторые из друзей называли его „язычником“. В самом деле, он ведь колоссальный интерес питал к Древнему Риму. И все это укладывается в российскую традицию и „всечеловечность“ русской культуры. И еще можно сказать, что Бродский был в каком-то отношении типичным советским евреем, сильно ассимилированным, оторванным от еврейских обычаев. Прочла у Бондаренко о „русском менталитете“ Бродского и — представьте, — не могу с ним не согласиться. Ведь действительно в стихотворении „На независимость Украины“ Бродский говорит „не нам, кацапам“, идентифицируя себя с „кацапами“ — русскими. И защищал он эту русскую культуру как лев, без всякой политкорректности, когда ей предъявлял беспочвенные обвинения тот же Милан Кундера. И жил поэзией Цветаевой, Мандельштама, Баратынского... И однако, будучи в русской культуре и превознося русский язык, он не отказывался от своего еврейства».

Огромную ценность представляет очерк о супругах Профферах — Карле и Эллендее. Они создали в США, в далеком Мичигане, издательство «Ардис», в котором вышло семь поэтических книг Бродского на русском языке.

Чайковская напоминает об этой талантливой чете, внесшей огромный вклад в русскую культуру: «В 1969 году молодая супружеская пара по научному обмену приезжает из Америки в Советский Союз. Там — благодаря протекции — они знакомятся с Надеждой Мандельштам и Еленой Булгаковой (Эллендея Проффер — булгаковед), Львом и Раисой Копелевыми, в последующие годы — со многими диссидентами и опальными литераторами, типа Бахтина, — и загораются идеей показать Западу, да и самим „аборигенам“, какое богатство скрывается от них за семью печатями.

Высокий, мускулистый Карл, в прошлом спортсмен-баскетболист, его красавица жена с редким и струнно звучащим именем, были интеллектуалами-книголюбями, в уны-

лой советской гостинице они вырывали друг у друга верстку набокковской „Ады“, присланной им автором.

Впоследствии, когда нужно будет придумать имя для издательства, они вспомнят эти дни и назовут его „Ардис“ — по имени поместья, где разворачивается действие „Ады“, повествующей о некой гибридной стране с чертами России и Америки. О да, Набоков мечтал о подобной стране. Но кто знает, не мечтал ли о ней и Бродский?»

Эллендея написала книгу воспоминаний о Бродском, включив в нее фрагменты воспоминаний своего мужа, ушедшего из жизни. Очень интересна беседа со Львом Лосевым, который был другом Бродского и написал его биографию в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». Чайковская подробно рассказывает о нем не только как о поэте, но раскрывает малоизвестные факты его биографии.

Поразительна судьба русского американца, писателя Никласа Бурлака. Его отец, эмигрировавший из предреволюционной России, приехал в СССР, чтобы помочь в индустриализации страны. Он умер в начале войны, а сын был призван в Красную армию: «В московскую Военную школу специального назначения, куда был зачислен Никлас, пришел командир белорусского партизанского отряда. Он взял с собой трех курсантов (среди них был Никлас), они на лыжах переправились через линию фронта. После нескольких дней жизни в партизанском отряде — голодных и холодных — пошли на задание: заложили взрывчатку на участке железной дороги, где, по сообщению разведки, должен был проследовать поезд с фашистской военной техникой. Лежали на тридцатиградусном морозе больше пяти часов — состав так и не проехал. Никлас отморозил себе ноги, не мог подняться, и друзья, уложив его на маскхалат, несколько часов волокли по снегу до расположения партизан. Много ли мы слышали таких историй?»

Никлас описал свою жизнь в талантливой книге «Американский доброволец в Красной Армии».

К сожалению, в краткой рецензии нет возможности упомянуть всех собеседников Ирины Чайковской. А среди них люди театра, музыканты, кинорежиссеры. Но ведь и назначение рецензии заключается в том, чтобы привлечь к книге внимание читателей.

Сегодня книга в России, как, впрочем, и на Западе, оттеснена на задний план Интернетом. Но я уверен, что это временное явление. Культура чтения подразумевает прежде всего книгу, в создании которой принимает участие не только автор, но большой коллектив: художник, корректоры, редакторы, типографы. Они создают шедевры. В отличие от электронной книги я ощущаю трепет, беря в руки роскошно и с любовью изданную книгу талантливого автора.

Основной недостаток книги Чайковской — мизерный тираж. Остается надеяться, что, несмотря на пандемию, тираж быстро разойдется и отважное издательство повторит эту талантливую книгу большим тиражом.